

3 АВТРА, 17 янва-

ря, народы нашей страны, все прогрессивное человечество отмечают столетие со дня рождения великого артиста и реформатора театра Константина Сергеевича Станиславского (Алексеева). На рубеже прошлого и нынешнего веков он создал новый реалистический театр, а затем теоретически разработал и обосновал принципы театрального искусства, неразрывно, органически соединяющего поэтическое видение и жизненную правду.

Пора творческих исканий К. С. Станиславского совпала с периодом нарастания революционного движения в России, которое предшествовало 1905 году. Это безусловно определило идейную направленность созданного им театра. Огромное значение имело и то, что русская литература дала в это время миру новую драматургию А. П. Чехова, идущую теми же новаторскими путями, которые самостоятельно избрал и обосновал Станиславский. А вскоре затем театр получил и поставил пьесы М. Горького, проникнутые революционной романтикой.

Высокое искусство Станиславского, как и искусство Репина и Чайковского, Чехова и Горького, — последовательно демократическое, оно бессмертно. И сегодня оно на вооружении советского театра, культуры нашего народа, идущего к вершинам коммунизма.

Ниже мы публикуем очерк о первой гастрольной весной 1900 г. молодого тогда Московского художественного театра (ныне МХАТ), созданного К. С. Станиславским и В. И. Немировичем-Данченко, в Севастополе и Ялте.

Конец XIX века. Глубокая осень 1899 года. В далекой Москве, до которой надо было добираться поездом не менее двух-трех суток, с триумфом проходят спектакли молодого Художественного театра. Он существует второй сезон, но уже пользуется большой известностью.

Там, на столичной сцене, рождается новый театр — театр Чехова. А сам автор пьес, прикованный болезнью, сидит в одиночестве, скукает в малолюдной тогда, особенно в эту дождливую пору, Ялте и лишь из писем и телеграмм да из газет узнает новости.

Так было и в день премьеры спектакля «Дядя Ваня». Спустя сутки стали поступать в Ялту поздравления. Они были сердечными и восторженными. Всю ночь Чехову пришлось подходить к телефону, чтобы выслушивать очередные сообщения с телеграфа. Письма и газетные рецензии говорят — большой успех, публика требовала: послать Антону Павловичу телеграмму. Но все это никак не заменило того, что бы увидел сам, присутствуя на спектакле.

И вот как-то в одном письме полусерьезно Чехов написал: «Если бы вы все приехали весной в Ялту, играли бы здесь и отдыхали. Это было бы удивительно художественно». В следующем письме та же мысль высказывается более определенно: он уверен — и в Севастополе и в Ялте можно взять по пяти полных сборов, «ибо ваш театр любят уже заглазно, понаслышке».

Не успели прийти ответы на эти письма, а всеведущий репортер местной ялтинской газеты «Крымский курьер» уже сообщил читателям

ПЕРВАЯ ГАСТРОЛЬ

отъезду. Нелегко было принять решение о поездке впервые в провинцию, тем более в такие небольшие города, как Ялта и Севастополь. На карту ставились не только финансовые дела театра, но и его престиж. И лишь большая, искренняя привязанность и любовь всей труппы к А. П. Чехову заставила забыть обо всех опасениях.

Выезжали из Москвы в самую распутицу, в стужу. Крым встретил солнцем и теплом. В Бахчисарае — цветы, дорога через горы и туннели захватила своей красотой. А вот и сам белокаменный Севастополь. «Мало в мире городов красивее его», — писал потом К. С. Станиславский, вспоминая об этой поездке.

Но весенняя погода изменчива. Подул ледяной ветер с моря, небо обложило облаками. В летнем театре, который стоял заколоченным с зимы, — холод, буря срывает афиши, которых еще никто не прочел. «Мы приуныли», — признавался много лет спустя Станиславский. Действовала, видимо, не только одна погода. Чехов, который обещал приехать в Севастополь, прислал телеграмму, что снова заболел.

А тут еще за день до первого спектакля в местной газете напечатали фельетон, в котором автор, скрывшийся под псевдонимом «Нескромный наблюдатель», в довольно развязном тоне высмеял публику, которая раскупила билеты, не зная, что она увидит, что из себя представляет театр, и одним взмахом пера разделался со всеми актерами. В довершение всего, по незнанию, а может, и умышленно он написал явную несправку о том новом, что определяло творческое лицо театра.

Несмотря на болезнь и ненастную погоду, Чехов все же приехал. Фотографы-любители из труппы сфотографировали встречу его на пристани. Эту сценку позднее писатель включил в свою пьесу «Три сестры», которую тогда только задумал.

И вот в легоньком пальто он приходит в театр, где дует из всех щелей. Актеры гримируются в тесной комнатке-уборной. Особенно тяжело приходится женщинам, одетым в легкие платья. Но, так или иначе, спектакль начинается. Проходит первое действие «Дяди Вани». Встречено оно холодно. Однако чем дальше, тем спектакль все больше захватывает зрителя. «К концу успех вырос в большую овацию», — писал потом Станиславский. «Автора вызывали без конца и меры».

Изменила свой тон и газета. Первую же свою рецензию она начала

К. С. Станиславский, М. Горький и М. П. Лилина в Ялте. (1900 г.)

с того, что новое направление, основоположником которого стал театр, сам выбор им репертуара для гастролей и высокий исполнительский уровень, наконец, ожидаемое присутствие автора пьесы в высшей степени возбудили интерес публики, которая ожидала начала спектаклей с величайшим нетерпением. То, что она увидела в первый же вечер, превзошло все ее ожидания... Действительно, все это ново, интересно, замечательно... Такая постановка пьес — верх режиссерского искусства. Ничего подобного наш театр еще не видел, да и не увидит».

Еще более восторженной была рецензия на спектакль «Чайка». «Да, это был истинный праздник, — писала газета, — праздник искусства, праздник высокого художественного подъема чувств всех бывших в этот вечер в театре... Это вышло апофеозом искусству, артистам и, главное, автору «Чайки».

С большим душевным подъемом уезжала труппа из Севастополя. Радовали успех и внимание. В Ялте, на пристани, ее ожидала масса народа, пришедшего с цветами встретить гостей. «Тут какое-то новое чувство, — писал К. С. Станиславский в своих воспоминаниях, — чувство того, что толпа нас признает. Тут и радость, и неловкость этого нового положения, первый конфуз популярности». Сюда съехались, специально для встречи с театром, виднейшие писатели — Горький, Бунин, Мамин-Сибиряк, Станюкович, Телешов...

Именно ради них и небольшого кружка местной прогрессивной интеллигенции, группировавшейся вокруг Чехова, а прежде всего ради самого Антона Павловича, Станиславский и его соратники приехали

сюда. Остальные — столичная и местная знать — были неинтересны. Это тогда же отметил и сам Станиславский, а еще раньше, в одном из своих писем, подчеркнул А. П. Чехов, сожалея, что будет много ненужной публики, а нужная осталась без билетов.

Первый, как и все последующие спектакли в Ялте, прошел при переполненном зале. Большой интерес представляет отчет о нем, опубликованный через день в местной газете. «Дядя Ваня» в исполнении московской труппы, писал рецензент, производит «могучее впечатление». Чеховская пьеса «показывает, до какой степени можно приблизить сценическую передачу к жизни», избежав условностей в исполнении драматического произведения. В рецензии отмечается умная, тонкая игра всех артистов, над которыми драматическое произведение. В рецензии отмечается умная, тонкая игра всех артистов, над которыми драматическое произведение. В рецензии отмечается умная, тонкая игра всех артистов, над которыми драматическое произведение.

Много внимания газета уделила последнему, заключительному спектаклю («Чайка»), когда особенно торжественно проходило чествование театра и автора пьесы — А. П. Чехова, а также состоявшемуся перед этим концертом, где исполнялись, в частности, «Песнь о Соколе» М. Горького и рассказы Чехова.

Однако успех сопутствовал театру не только на сцене. Все дни пребывания в Ялте заполнены были встречами с писателями в доме у Чехова, в гостинице и просто на берегу моря. «У Антона Павловича был вечно накрыт стол, — писал в своих воспоминаниях о Чехове Ста-

ниславский... — кончался один завтрак, подавали другой... Все присутствовавшие литераторы словно вдруг вспомнили о театре и, кто тайно, кто явно, мечтали о пьесе». «Словом, — заключает Станиславский, — весна, море, веселье, молодость, поэзия, искусство — вот атмосфера, в которой мы в то время находились».

Особое внимание Станиславского привлекал Горький, который сразу же захватил его своим обаянием. Это было первое знакомство великого писателя с Художественным театром. Здесь, в Ялте, «сидя как-то раз вечером на террасе и слушая плеск морских волн, — писал потом Станиславский в книге «Моя жизнь в искусстве», — Горький рассказывал мне в темноте содержание этой своей пьесы, о которой он тогда еще только мечтал». Позднее этот замысел претворился в известной пьесе «На дне». Но тогда это были только неоформившиеся ее контуры, и писатель, по словам Станиславского, много раз еще забегал к нему «поделиться нарождающимися мечтами и созревающим планом новой пьесы»...

Шесть с лишним десятилетий отделяют ту пору от наших дней. Детище К. С. Станиславского — МХАТ за эти годы стал всемирно известным, с огромным триумфом выступал он на многих сценах в нашей стране и за ее рубежами. Но та первая гастроль в Крыму, на которую и актеры, и режиссер ехали с душевным трепетом, навсегда вошла, как яркая страничка, в историю театра. Она еще более укрепила дружбу и творческие связи с Чеховым и дала толчок росту могучей драматургии Горького, имя которого ныне носит с честью театр, созданный Станиславским.

М. АНДРЕЕВ.

Редактор В. КЛАЗНИКА.